

К 20-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ДНЕВНИК Софьи Аверичевой — суровая и достоверная повесть человека, избравшего в незабываемые дни Великой Отечественной войны одну из самых отважных и самых опасных военных профессий — профессию разведчика.

Молодая актриса театра имени Волкова уходит добровольно на фронт. Может, она не любит театр, может, неудачно складывается ее судьба, как актрисы? Нет, Софья Аверичева так любила театр, что в семнадцать лет поступила шепаром в театр рабочей молодежи на Дальнем Востоке. Там и начался ее сценический путь. А в двадцать три года в Ярославском она уже сыграла Нору в пьесе Ибсена.

Аверичева справилась с этой сложной ролью, и после фестиваля театров области была переведена в театр имени Волкова. Здесь ей поручают ответственные роли, такие, как Луиза в шиллеровском «Коварстве и любви», Анна в горьковском «Варварах», Ирина в «Трех сестрах» Чехова, Машенька в пьесе Афиногенова «Машенька». В течение трех лет Софья Аверичева завоевывает признание и любовь ярославцев, о ней пишут в газетах, как о талантливой актрисе.

И вот война. Аверичева поступает на курсы мотоциклистов с тем, чтобы попасть в моторразведывательную роту. Она преодолевает все препятствия и добивается своего. По

велению сердца и идет туда, где всего трудней и опасней.

Так случилось, что мы оказались в разных дивизиях, но на одном Калининском фронте. Софья — в Ярославской 234-й дивизии, я — в Ярославской 248-й.

До окончания войны Аверичева воевала в Ярославской дивизии сначала бойцом-разведчиком, затем автоматчиком, дважды была ранена, заслужила восемь правительственных наград — от медали «За отвагу» до ордена Красного Знамени.

Актриса, коммунистка, разведчица, она прошла с честью трудную фронтовую дорогу и вернулась в родной Ярославский театр. Обо всем этом и рассказывает дневник, который разведчица Софья Аверичева вела в перерывах между боями, и в блиндаже, и в окопе, и в разбитой хате, и в землянке, и в лесу, и в госпитале.

Я держал в руках эти чудом уцелевшие записные книжки, разрозненные листки, потемневшие от солдатского пота и крови. В них запечатлены страницы боевой истории Ярославской коммунистической дивизии, великое время и бессмертное мужество нашего народа.

Марк ЛИСЯНСКИЙ.

СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА (ДАЕТСЯ В СОКРАЩЕННОМ ВИДЕ) АРТИСТКИ ЯРОСЛАВСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ Ф. Г. ВОЛКОВА С. П. АВЕРИЧЕВОЙ. ЭТОТ ДНЕВНИК В ТЕКУЩЕМ ГОДУ ВЫЙДЕТ В ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ НАПИСАЛ ПОЭТ МАРК ЛИСЯНСКИЙ.

Софья АВЕРИЧЕВА

ИЗ ДНЕВНИКА РАЗВЕДЧИЦЫ

Я ПРОДОЛЖАЮ по порядку все, как было.

Рота выстроилась вдоль деревни. Стоят бойцы подтянутые, не шелохнутся. Перед нами командир роты: «Товарищи, получено боевое задание. Мы идем в тыл к немцам. Задание сложное. Пойдут только добровольцы. Если кто не здоров или просто плохо себя чувствует почему-либо, скажите об этом прямо. Осуждать вас никто не станет. Есть такие?». Рота молчит. «Желающие пойти на задание, шаг вперед!» — подает команду Докукин. Все, как один, делают шаг вперед и замирают.

Из КП выходит командир дивизии Турьев, за ним старший батальонный комиссар Смирнов.

— Смирнов! — командует ротный и строевым шагом подходит к командиру дивизии: — Товарищ полковник, личный состав роты построен для получения боевого задания!

— Здравствуйте, товарищи! — приветствует нас Турьев.

По деревне прокатывается дружное «Здрасьте!».

Командир дивизии рассказывает о делах на фронте, ставит задачу: «Наши войска ведут ожесточенные бои за Курск. Противник непрерывно подбрасывает подкрепления. Командованию фронта необходимо знать, какие подразделения подтягивают немцы. Вы должны пройти в тыл врага и взять «языка».

...И вот уже рота покидает деревню.

Я незаметно, на минутку, выхожу из строя, становлюсь за дерево и наблюдаю. Колонна изогнулась змейкой. Впереди сам «батька» Докукин — наш девятнадцатилетний командир. Он шагает, загребая носками вовнутрь. На шее немецкий автомат, на поясе противотанковая граната, с которой Докукин никогда не расстается. Сосредоточен ротный. Во рту у него, как всегда, трубка. За ним идут разведчики легкой «докукинской» походкой, чуть-чуть покачиваясь, а некоторые даже загребают носками вовнутрь. Они во

всем подражают своему командиру, в которого горячо уверовали, с которыми готовы выполнить любое задание. У всех на груди автоматы, лихо развеваются плащ-палатки.

Я не первый раз думаю о том, что кто-нибудь, когда-нибудь обязательно напишет об этих красивых и смелых волжских парнях! И люди будут восхищаться их подвигом, и люди будут плакать о тех, кто сложил свои головы за счастье народа, во имя победы. Вечно чтить их память.

Докукин ведет нас смело, без останков, как будто он всю жизнь прожил в этих местах.

...Это было уже на следующий день. Мы осторожно проходим между опорными пунктами немецкой обороны. Рота остается на исходном, а наша группа — двенадцать разведчиков под командованием Докукина вместе с комиссаром роты Полешкиным и лейтенантом Ивченко выдвигается в наблюдение. Ночью мы должны осуществить налет на деревню Кузьмино.

Далеко позади нас перестрелка немецкой обороны. Светает. В утренней прохладе гулко слышен шум машин и танков, проходящих по Бельскому большаку. И совсем рядом лают собаки. Одиночные выстрелы, удар топора, немецкие голоса. Сосны попеременно с березами.

Докукин выбирает самую высокую ветвистую березу, и со словами: «Здесь будет наш наблюдательный пункт» — быстро взбирается наверх по гладкому стволу дерева и оттуда говорит: «Чувствую, сегодня нам повезет».

Лейтенант Ивченко расставляет дозоры. Я жду не дожидаясь, когда наступит моя очередь подняться на дерево с биноклем. Думаю, откуда у Докукина убеждение, что сегодня будет удача? Но как бы то ни было, это чувство передается всем разведчикам.

— Аверичева, твоя очередь, залезай! — говорит Докукин и вместе с Зерновым подсаживает меня по-

выше, а там, уцепившись за сучок, я быстро добираюсь до самой верхушки дерева.

Деревня расположена на высоте, около самого большака, по которо-

му бесконечной вереницей проходят машины с вооружением и войсками. Идут отдельные обозы, они пугливо прижимаются к обочине. Но в самой деревне пустынно. Пройшли два солдата, сопровождая обоз. Из деревни вьется дорога в нашу сторону, спускается вниз, исчезая в глубоком овраге. Подход к деревне, если он не заминирован, хороший. Свернули с большака в деревню две машины с солдатами.

Обо всем докладываю вниз.

— Смотри внимательно, — говорит Докукин.

Солдаты идут по дороге, спускаются вниз, исчезают в овраге. Их больше дюжины. За ними появляются еще тридцать-сорок. У них за спинами что-то вроде ранцев или ящиков.

— Два пулемета и один миномет, — сообщаю я.

А немцы все идут и идут. Левый дозор подает сигнал: «Вижу приближение противника».

— Слезай! — шепчет мне Докукин. — Скорей, скорей...

Группы Ивченко и комиссара Полешкина заходят с флангов, а наша остается на месте. Пригнувшись за кустарниками, вытягиваемся в цепочку.

Идут немцы в касках, навьюченные. За плечами действительно ранцы, у некоторых какие-то длинные трубы. Идут они медленно и осторожно, согнувшись в коленях, карабины держат на изготовке. Задирают головы, осматривают каждую верхушку дерева.

— Огонь! — командует Докукин. И сразу — очередь из автоматов, потом — гранаты. Немцы падают: один, второй, третий...

— Вперед! За Родину! — кричит Докукин.

— За Родину! — подхватываем мы и бьем из автоматов, не переставая. Там и тут лежат вражеские трупы. Подбегаем, расталкиваем — мертвые. Неужели ни одного живого! Но нет, лейтенант Ивченко со своим ординарцем Дубровиным ведут пленного, а Кузнецов и Власов вытаскивают

немца из груди трупов и волоком тащат его.

Наша группа прикрывает отход. По пути подбираем автоматы, документы, пистолеты...

Стремительно отходим, нагруженные трофеями, тащим на плащ-палатках трех немцев. Один без сознания, другой — блондин с голубыми глазами — испуганно повторяет: «Их бин ихт СС, их бин Австрия!». А третий — весь в шрамах, с татуировкой — дико кричит: «Шайзен! Шайзен! Шайзен!».

— Аверичева, что он просит? — спрашивает меня Докукин. «Шиссен, шосс, гешоссен — стрелять. Может, он просит, чтобы мы его пристрелили...» Докукин немцу: «Нихт шайзен! Лебен гут». Немец продолжает орать благим матом. — «Ребята, он хочет... того», — догадывается кто-то.

— Опуская на землю, — приказывает Докукин. — Это он с испугу, а еще ССИ! Все смеются...

— Аверичева, узнай у эсесовского «героя», из какой он части? — сказал на привале Докукин.

Начинаю первый опрос. «Аус вэльхэм труппэн?» Немец держится нагло. Я повторяю: «Из какой части?». Немец пальцем манит меня: «Пани! Ком, ком! — и просит: — млеко, яйки, шлэк, мясьцо...» Приподнимаясь, он неожиданно хватается за подбородок, но тут же падает от сильного удара Докукина: «Сволочи! Заучили шлэк, яйки!». А Ивченко удивляется: «Не успел очухаться от расстройства желудка, а туда же...».

Сколько мы ни бьемся, немец не отвечает ни на один вопрос. «Их бин эсэс. Я ничего не скажу, спросите вон ту австрийскую свинью, он все вам расскажет».

Австриец отвечает на вопросы с большой охотой. Это был карательный отряд. Они, австрийцы, из кавалерийской части, два дня, как прибыли на фронт. И не успели они войти в лес, началась пальба. А дальше все произошло так быстро...

Навстречу нам бегут разведчики. Они услышали бой и поспешили на

ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ ДОКУКИН.

помощь. Теперь мы идем уже налегке. Весь наш груз тащат ребята. По пути встречаемся с разведчиками 134-го стрелкового полка. Отдаем им немца, который до сих пор не пришел в сознание. Может, они сумеют привести его в чувство. Им ближе до своего штаба. Пехотинцы приветствуют нас, рады, что все мы живы и здоровы. А около КП батальона ожидает грузовик. Комбат Бездольный называет нас орлами! «Языков» наших грузят в машину и отправляют куда следует.

Мы блаженно вытягиваемся на траве. Я рассматриваю трофеи. У меня теперь есть немецкие кинжал и пистолет. Для Анны тоже есть пистолет. Потом мы читаем письма немцев. Какой-то Фридрих пишет своей жене о страхе, который он переживает в России. «Майне либэ фрау! Мне часто становится страшно, я теряю рассудок...».

Разведчики говорят между собой: «Немцы разлагаются, падают духом. Это им не сорок первый год...»

А вскоре мы, докукинцы, снова в пути.

Уже после узнали, что пленные дали ценные показания, что наша группа захвата представлена к наградам.